

(Даль). В мордовских (мокша и эрзя) языках слово *ведява* — ‘русалка’ состоит из двух частей: *ведь* — ‘вода’, *ава* — ‘женщина’ (букв. ‘вода женщина’).

Калда, сущ. ж. р. — ‘летний загон для скота’ (Красносл., Ельники, Темник., Торб.), *калдас* — ‘стойло для коров’ (Ковылк.), *калдаз* — ‘хлев’ (Старошайг. р-н). Даль указывает, что слово *калда*, *калдаз* встречается в Пензенской, Саратовской губерниях с этим же значением. Фасмер слова *калда*, *калдас* связывает со словом *карда*. В мордовских языках слова *калда*, *калдаз* — ‘хлев, стойло для коров’.

Процесс заимствования из финно-угорских языков происходит и происходил в течение длительного периода, отсюда далеко не одинаковое морфологическое, семантическое и фонетическое усвоение различных слов.

Некоторые слова усвоены с совершенно определенным, четким значением: *водява* — ‘русалка’, другие слова получают новое, иногда противоположное значение: *вириява* — ‘не-ряха’ (ср. мордовское: *вириява* — ‘леший’), *калмушка* — ‘овраг, заросший травой’ (ср. мордовское: *калмо*, *калмоланго* — ‘могила, кладбище’).

С точки зрения грамматического оформления, мордовские слова полностью ассимилировались с русскими словами: приняли грамматические категории, свойственные русскому языку. Так, имена существительные приобретают грамматическую категорию рода, которая отсутствует в финно-угорских языках.

«НАНИЗЫВАНИЕ» В УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ: СЛОЖНАЯ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНАЯ КОНСТРУКЦИЯ ПО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ

А. И. Кузнецова (Москва)

В уральских языках грамматическая категория посессивности имеет значение принадлежности, обладания, отношения части к целому. На грамматическом уровне в именных группах, выражающих отношения притяжательности, принадлежность оформляется несколькими разными способами; среди них выделяются морфологические и синтаксические. Морфологические (точнее, морфолого-синтаксические) могут быть четырех типов; в именных группах они бывают представлены в разной конфигурации с использованием показателя посес-

сива (Px) и падежа (Gen или Nom), которые оформляют либо обладателя, либо обладаемое, встречающихся как в препозиции, так и в постпозиции. Возможны следующие варианты оформления принадлежности для имен родства (например, в марийском языке): *ача-м-ын пöрт-шо* (Px1SgGen + NomPx3Sg) — «отца-моего дом-его»; *ача-н пöрт-шо* (Gen+NomPx3Sg) — «отца дом-его»; *ача-м-ын пöрт* (Px1SgGen+Nom) — «отца-моего дом»; *ача-н пöрт* (Gen+Nom) — «отца дом». Сочетание двух существительных может выражать отношение принадлежности чисто синтаксическим способом: *ава пöрт* — «матери дом», *ача пöрт* буквально «отца дом». Однако сочетание *ача пöрт* приобретает обобщающее значение и употребляется в смысле «родительский дом», в отличие от предыдущего сочетания, где такого коннотативного значения нет (само слово для наименования родителей — *ача-ава*, букв. «отец-мать»). Именные группы последнего типа в виде сочетания двух Nom имеют подчинительные отношения и образуют конструкцию, обычно называемую соположением. (Подобные конструкции следует отличать от случаев соположения с сочинительной связью и с обобщающим значением, к которым относятся, в первую очередь, парные слова типа *dvandva*, как, например, *ача-ава* — «родители», *ача-коча* — «предки».)

Конструкции соположения, используемые для выражения принадлежности в уральских языках, часто образуют *цепь последовательных подчинений*, осуществляемых посредством нанизывания слева все новых слов в Nom или в Gen (в том числе в форме посессива), о чем и пойдет речь в докладе.

В словосочетаниях с последовательно подчиненными определениями в именных группах устанавливается твердый порядок их компонентов. По словам А. П. Феоктистова, «каждое предыдущее слово является определением последующего, а все словосочетание — определением для основного определяемого слова, находящегося в конце атрибутивного комплекса» (Феоктистов 1993, 188). Иными словами, принадлежность может передаваться не только с помощью суффикса Px, но и способом соположения, которое включает в свой ряд три-четыре и более членов, нанизываемых слева и создающих цепную конструкцию, в которой каждое слово будет обладателем по отношению к члену, стоящему справа и обладаемым по отношению к члену, стоящему слева от данного слова. В такой цепи слово, следующее за существительным, выступает в *функции определения по принадлежности* или по отношению части к целому, что отчетливо видно в следующих пред-

ложениях, записанных в селе Старый Торъял Новоторъяльского района Марий Эл: *мар. Мый кова-м-ын пий-ж-ын пылыш-ыж-ым ниялтшы-ым* — «Я глажу уши сына моей бабушки» (т. е. уши своего отца; букв. «Я бабушки-моей сына-ее уши-его глажу»); *кова-м-ын каза-ж-ын йол-жо тодылалтыт* — «У козы моей бабушки нога сломалась» (букв. «бабушки-моей козы-ее нога-ее сломалась»); *Мый поскуд-ем влак-ын пöрт-ышт-ын леведыш-ыж-ым ужам* — «Я вижу крыши соседских домов» (букв. «Я соседей-моих домов-их крыши-их вижу»); *Ава-м-ын покен-ж-ын йол-шамыч ше пеш кужо (кадыр)* — «Ножки мамино стула очень длинные (кривые)» (букв. «Мамы-моей стула-ее ножки-их очень длинные/кривые»). Во всех примерах с точки зрения ролевого синтаксиса средний член конструкции бифункционален: по отношению к первому (предыдущему) члену сочетания средний член выполняет функцию обладаемого (*ковамын каза-жо* — «моей бабушки коза ее»), а относительно третьего (последующего) — функцию possessора (*казажын йолжо* — «нога ее козы»).

Фразы, подобные приведенным, можно разбить на две именные группы, связанные между собой по принципу сочинения, но с подчинением внутри самих выделенных групп. При таких трансформациях в каждой из двух именных групп обладатель стоит в Gen, а обладаемое — вершина именной группы — в Nom с показателем посессивности (или в другом падеже в предложении, что зависит от глагольного управления): *поскуд-ем влак-ын пöрт-ыж уло* и *пöрт-ышт-ын леведыш-ыж уло* — «у соседей-моих дом-их есть» и «на домах-их крыши-их вижу». Обычно сложные (цепные) определительные конструкции по принадлежности язык старается упростить и цепочка укорачивается, разбивается на две части.

Соположения и их нанизывание является типичной синтаксической чертой и самодийских языков. В *селькуском* языке часто встречаются географические названия, образованные путем прибавления слева новых имен в Nom к уже имеющейся конструкции. Перевод полученных цепочек слов без знания реальной обстановки может быть весьма затруднителен: *Il'ca Soq macyky* — «Лесная река у дедушкина мыса» (букв. «старик-мыс-лес-река»); *Imatö n'ary* — «Тундра у озера Имато» (букв. «женщина-озеро-тундра»); *Limpy Pityl'ä kika* — «Ручей у озера с гнездовьем орлов» (букв. «орел-гнездовье-озеро-ручей»). Ср. *нен. : Харв-лабта-вы'* — «Тундра с лиственницами в низине» (букв. «лиственница-низина-тун-

дра»). Нанизывание бывает не только в топонимах, но и в текстах сказок (например: *nätät ünkyksal lakal' my qol'syntyu* — «куски ушей девушки нашел», букв. «девушки-уши-куски нашел»). Последние существительные стоят здесь в адъективной форме). Именные конструкции соединяются разными способами, что видно при сравнении приведенных примеров.

Нанизывание характерно также для синтаксиса современного русского языка, в котором употребляется подряд иногда до 4–5 родительных падежей, как в следующих словосочетаниях из газет: *обеспечение надежности работы всех сетей сооружений коммунального хозяйства; ради дела обеспечения безопасности народов Европы*. В произведении Питера Халла «Принцип Питера» (ИЛ. 1971. № 8. С. 209) есть фраза: *Создаются новые должности: руководитель проекта улучшения благосостояния граждан пенсионного возраста*, которую можно превратить в четыре именные группы, связанные по принципу последовательного подчинения. В них средний член конструкций выступает в двух функциях, как и в случае уральского соположения: (есть) *проект улучшения; улучшение благосостояния; благосостояние граждан; граждане пенсионного возраста*. Подобные громоздкие фразы обычно перифразируются или в них добавляются предлоги: так, вместо *возле большого дома отца близкого друга вашего младшего брата* можно сказать «возле дома отца, принадлежащего близкому другу вашего младшего брата». Нанизывание одного и того же падежа, возможно, является универсалией, встречающейся во многих (в том числе, и в индоевропейских) языках.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РУССКОГО И ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКОВ НА МОРФОСИНТАКСИЧЕСКОМ УРОВНЕ

А. Кюннап (Тарту, Эстония)

Я приведу все известные мне указания на возможный финно-угорский субстрат в русском языке и в других славянских языках на морфосинтаксическом уровне: 1. Категория одушевленности/неодушевленности в протославянском языке (ПС). 2. Отсутствие оппозиции совершенности/несовершенности в языках ареала Балтийского моря. 3. Употребление настоящего времени вместо флективного будущего времени в языках ареала Балтийского моря. 4. Флективное про-